

ветствующей ситуации с легкостью извлекается уровень глубины семантики фраземы.

Дискурсивно-синергетическая направленность является одним из основных факторов, переводящих современную когнитивную фразеологию на новый этап развития (Н.Ф. Алефиренко, 2008: 22), и всех, кому Николай Фёдорович Алефиренко передал *золотой ключик* к тайне фраземики, радуется неиссякаемый *рог изобилия* его научных идей.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка // Слово – сознание – культура: сб. науч. тр.; сост. Л.Г. Золотых. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 31–40.

Алефиренко Н.Ф. Синергетика культурного концепта и слова // Культурные концепты в языке и тексте: сб. науч. тр.; науч. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 7–15.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. № 1. С. 6–17.

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИВОГО» СЛОВА И ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПАРАДОКСЫ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В.К. Харченко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет

vera_Kharchenko@vail.ru

В своей монографии «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии» проф. Н.Ф. Алефиренко заострил внимание на проблематике исследования когниции как единства 1) обыденных процессов

получения знаний и 2) результатов этого процесса, т.е. собственно самих знаний (Алефиренко Н.Ф., 2009: 8). Более того, исследователем неоднократно в книге подчёркивалась мысль не просто о взаимодействии, а о синергетическом эффекте такого взаимодействия процесса познания и результата познания. «В когнитии многие психические процессы протекают в синергетическом взаимодействии. Восприятие, понимание, интерпретация, воображение «работают» здесь в органическом единстве» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 9).

Детская речь как нельзя лучше иллюстрирует механизмы функционирования «живого» слова, высвечивает парадоксы «живого» знания. Высказанная сейчас мысль о гностической рельефности, увеличительном стекле детской речи настолько очевидна, что даже не нуждается в иллюстрациях, тем более что вряд ли отыщется лингвист, ни разу не фиксировавший детских высказываний с их мощной оптико-лингвистической составляющей. Однако, ставя во главу угла «живое» слово, в своей работе проф. Н.Ф. Алефиренко нацеливает на создание новых эвристических программ. Такой программой для нас становится исследование дистрибуции детских ошибок – точнее, не ошибок в бытовом, «взрослом» понимании слова, а, скорее, детских непопаданий в норму, что предполагает, во-первых, исследование детской речи не только традиционно, по вертикали, но и оригинально, по горизонтали фиксации и анализа, т.е. предполагает считывание «всех» отступлений от нормы в плане пошагового приближения к взрослому идеалу речи. Из первого вытекает второе: естественным продолжением исследовательской программы становится, во-вторых, организация длительных, в идеале лонгитюдных наблюдений над речью одних и тех же детей.

Исследованием детской речи мы занимаемся около тридцати лет, однако лишь в последние годы осознали необходимость отслеживания подневных, понедельных, помесечных фрагментов «всего корпуса» непопаданий в норму. Издание словарей детского языка (Харченко В.К. 1994, 2002, 2005), написание монографий (Харченко В.К., Озерова Е.Г. 1999) нацеливало на «выщипывание» отдельных контекстов, окружающих и объясняющих факт словотворчества, формотворчества и далее со всеми остановками, будь то буквальное понимание фразеологизма, цитация взрослой реплики, сбой в селективном компоненте значения, типично детский диминутив и мн.др. Уже тогда мы понимали, что проигрываем, «не замечая» правильно употребляемых детьми слов или форм, идеальных с позиций строгого взрослого предложения, диало-

говых реплик и даже минитекстов. Увы, «не замечаем» мы всего этого и теперь, когда «предметом анализа» становятся целые блоки «за день сказанного неправильного». Но в этом случае легче домыслить, что за время отслеживания речи других неправильностей у ребенка обнаружено не было. Согласимся, что при «ковровом» считывании и анализе детских «ошибок» детское слово воспринимается как более «живое», проявившее себя в естественной среде иных непопаданий в норму и в контексте правильно употребленных слов и словоформ. В этом состоит безусловный плюс такой методики и методологии анализа. Серьезным минусом, «системно» препятствующим получению сколько-нибудь определённых результатов становится расколосье ошибок как по их квалификационному разряду (словообразовательные и грамматические, стилистические и логические, фактические и фразеологические, не говоря о более мелких разрядах), так и по степени их «ошибочности» (яркие и почти незаметные), а также по участию в них авторского «я»: преднамеренные и непреднамеренные. Сюда же приплетается детская образность, детская логика, детские реминисценции и детская цитация взрослых реплик и тех же песен, стихотворений. Приведём один из фрагментов записей речи двух братьев шестилетнего Льва и трехлетнего Жени от 29 мая 2009 г.

*На прогулке. Лев: Баб, на том камне много насекомых, **включая муравьёв**. <...> Я понял, что **самых частых** (распространённых) животных очень интересно изучать, а не самых редких. Они разного цвета, разной формы.*

*Женя: Я тебе **растеру** мобильник (ваткой от тополиного пуха).
Брату: Я тебе **протеру** руку.*

*Лев: Баб, а я видел, как **тополиный пух догоняет муху**.*

*Я: Корни обнажились. Лев: И потому они **высунулись** из земли?*

*Лев: Что, когда тополь цветёт, надо всё **прожаривать** (просушивать пальто, одеяла, ковры)?*

*Женя: Можно мы **разденем шапку** (снимем панамку)?*

*Я: Слышите, запах борщом? Борщ кто-то варит. Лев: Только надо говорить не «слышите», а «чуеете» или «**чувствуете борщ?**».*

*Лев: Баб, а как **появляются** дачи?*

*Лев о соловье: У него разные **коленья** (колена в пени).*

*Женя: А мы уже **сколько часа гуляем?***

*Я в белом костюме. Женя: Баба **пришла врач** (врачом, как врач)!*

*Женя отцу: А ты **стоял** когда-то на поезде **стоя?***

Лев дома кормит черепах. Женя: А Лева что ест, корм?

Приведённый фрагмент весьма типичен своей пестротой, т.е. многообразием проявлений «детскости» речи, начиная от подражания «взрослым», причем письменным оборотам речи (*включая муравьев*), и кончая непреднамеренной метафорой «корм» о пище. Такая открытая «пестрота» непопаданий может иметь и прикладное значение. Поскольку ребенок овладевает «сразу всем» в языке, мы должны более лояльно и более терпеливо реагировать на неизбежные непопадания.

Итак, осознавая и трудности «подряд-анализа» «живой» детской речи, и необходимость такого её изучения, поделимся некоторыми полученными в ходе исследования результатами.

Первое. Детская когниция в цитируемой выше трактовке проф. Н.Ф. Алефиренко выступает как процесс получения знаний и как результат, т.е. сами знания. Проявляется это в сочетании эффекта обучения, усвоения языка, языкового дрессинга, т.е. эффекта «школы» и вместе с тем эффекта импринтинга, запечатления «готовых» форм, блоков. Когда слово или словоформа усвоена, то эффект обучения языку не так заметен, однако в течение дня нет-нет да и эксплицируется метаязыковое сознание ребенка: «*А как правильно?*», «*Вытрел... вытер*», «*Я просто Женя. Это не имя, это моё слово*». Именно ковровый анализ «всех» непопаданий позволяет в таком сочетании усвоения и «фотографирования» языка обратить внимание на следующие два момента.

Во-первых, само усвоение ритмично и асимметрично. Некоторые весьма трудные, на взгляд наблюдателя, слова (например, «актуальные» для современного дитяти названия динозавров или та же компьютерная лексика) усваиваются на порядок быстрее ожидаемого, тогда как целый ряд словоформ остается упорно встречающимся камнем преткновения, образуя группу долгоиграющих ошибок, формируя проблемные зоны в пространстве детской речи. Это *кладить* (класть), *хочете* (хотите), *вытрел* (вытер), *искаю* (ищу) и т.п. Лексикографическое оформление детских высказываний, как правило, не даёт возможности пронаблюдать удивительную устойчивость целого ряда ошибок, что более наглядно демонстрирует «ковровое» считывание детской речи. С.Н. Цейглин неоднократно подчёркивала роль аналогии в детском формотворчестве, когда детская словоформа выступает как «более правильная», логически обоснованная по сравнению с многочисленными раритетными словоформами взрослой речи. Детская логика

«бастует» и против селективного компонента значений: ср. навести порядок и в детской речи: *Зачем мама навела беспорядок?* и о собаке на балконе: *Опять Топа навела бардак*. Итак, асимметрия в легкости усвоения языковых фактов составляет важнейшую особенность овладения языком.

Во-вторых, факты запечатления реплик окружающих ребенка взрослых или фрагментов песен тоже чреватые «непопаданиями», детское мышление оставляет здесь свои следы. *Бабушка моя-а, взял бы я тебя-а*, – поёт ребенок на мотив известной песни «Миленький ты мой». *Мы у бабы Наташи видели ящерику. – Какую? – Одна изумруденькая, самец, а другая серая. – Почему самец? – Потому что самцы всегда красивее!* И тем не менее горизонтальные срезы детских непопаданий регулярно демонстрируют сочетание усвоения и запечатления своего, создаваемого по модели, и «готового чужого».

Второе. Когда мы анализируем записи каждого дня (а мы проводили наблюдение над детской речью в среднем от 2 до 5 часов, т.е. не 24 часа в сутки и не ежедневно, а с регулярностью в 18–20 дней в течение месяца), то даже при таком последовательном, но фрагментарном считывании было обнаружено достаточно частотное явление контаминации, причем контаминации не столько слов (*А в полиции полицейеры?*), сколько синтагм. *Баб, в том-то и страшно, что не видно, где змея, да?* (в том-то и дело + потому и страшно). *А это во сколько денег стоит* (сколько стоит + во сколько обошлось)?

Детская когниция показательна нелинейными процессами, в частности и телескопическим словотворчеством, когда происходит совмещение, объединение, образование, формирование мысли на основе состыковки готовых блоков, при этом часть слов неизбежно теряется, выпадает, «проваливается», а из оставшихся образуются весьма причудливые картины совмещений. А мы *ни на какое такси* поедем? (ни на какое не сядем + ни на каком не поедем). Параллельно с детской речью в рамках уже другого исследования мы продолжаем фиксировать и устную разговорную речь, где тоже имеет место контаминация, но встречается она, скорее, как нонсенс, единичный факт, тогда как в речи детей она заявляет о себе весьма авторитетно. Так, по данным за 2009 год наблюдений над речью двух мальчиков 7 и 4 лет, контаминация «присутствовала» едва ли в каждом блоке неправильностей, если этот блок составлял свыше семи-десяти непопаданий. Бывает, однако, что трудно утверждать: суффиксация перед нами или контаминация,

как в следующем примере. *Мы будем играть в консультированном дворе. Женская консультация, там женщины консультируют* (консультируют). Повлияло ли здесь «случайно услышанное» слово *утрируют*, да и можно ли уверенно утверждать, что шестилетний ребенок услышал и отложил в памяти это слово?

Третье. Говоря о когниции и восприятию «живого» слова, проф. Н.Ф. Алефиренко в своей монографии много внимания уделяет метафоре как уникальному механизму «познания сложнейших, нестандартных связей и отношений между вербализируемыми явлениями осмысляемой действительности» (Алефиренко Н.Ф. 2009: 174). Метафора и познание – прекрасная тема для исследования речи детей, что проявляется в самих использованных детьми метафорах, выступающих прежде всего как инструмент познания и проливающих свет на ценность воображения в развитии языковой личности. Правда, образный слой детской речи насыщен, скорее, преднамеренными сравнениями и непреднамеренными метафорами. Ливень. Мальчик смотрит в окно: *Прям стиральная машина! Лист А4 свесился с полки. Мальчик смеётся: Это принтер!* Фиксируя язык детского воображения, мы подчас затрудняемся в интерпретации: считать ли, например, следующую диалоговую реплику фактом персонификации, олицетворения или неточным синонимом (*сломать* по типу «сломать игрушку» вм. *повредить, разрушить*): *А землетрясение не может сломать машину?* «Метафорическое «живое» слово, – читаем в монографии Н.Ф. Алефиренко, – амбивалентно: одновременно соотносится с двумя денотатами таким образом, что один из элементов первого денотата используется для экспликации другого. При этом денотативные поля обоих денотатов приобретают предметно-чувственную рельефность, детали которой при обычном мышлении остаются недоступными для восприятия» (Алефиренко Н.Ф. 2009: 197). Приведём примеры высвечивания в детской речи тех самых деталей денотата, которые не были бы заметны, не случись самих детских высказываний. *Об экскаваторе: Он растряхивает свой ковшик (разгружает). О выброшенном пластмассовом стаканчике во дворе: А вон кто-то стакан потерял!* На предметно-чувственную рельефность может повлиять подбор синонимов, антонимов, как в следующих высказываниях: *А отечество – это что? – Ну, где жили отцы. – А-а, Римский папа!* Разговор об исчезнувших тараканах: *Говорят, от сотовых телефонов. Лучше говорить побольше, чтоб тараканов было поменьше.* Так что если мы хотим изу-

чать «живое» слово, то детская речь может стать весьма плодоносным пространством подобного изучения.

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009.

Харченко В.К. Словарь детской речи: Свыше 3500 слов. Белгород: Белгородский гос. пед. ин-т, 1994.

Харченко В.К. Словарь современного детского языка: в 2 т. // Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2002.

Харченко В.К. Словарь современного детского языка: ок. 10000 слов: свыше 15000 высказываний. М: Астрель, 2005.

Харченко В.К., Озерова Е.Г. Сложные слова в детской речи: монография. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1999.

НОВЫЕ ЖИВЫЕ СЛОВА В ДИСКУРСЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Л.И. Плотникова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
университет
Plotnikova@bsu.edu.ru

Речевая деятельность человека на протяжении довольно длительного времени составляла и продолжает составлять объект исследования отечественных и зарубежных ученых. Различные направления лингвистики изучают речевую деятельность в разных аспектах, при этом большое внимание, как правило, уделяется исследованию живой речи, которая протекает в условиях реальной коммуникации. Не случайно одним из центральных понятий в новой лингвистической парадигме, которая определяется учеными как антропологически ориентированная, является понятие языковой личности. Это связано с признанием человека тем феноменом, который выходит на передний план, познает мир через осознание себя, своей деятельности в нем.

В русле антропологической парадигмы возникла необходимость исследования взаимодействия человека и его языка как живой рече-